

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Люди и джинны

На кухне Крестовоздвиженского собралась вся компания. Соломон рассказывал, попутно намазывая серебряным ножичком масло на тоненькие ломтики белого хлеба. Петя с впечатляющей скоростью уплетал молодую картошку с укропом, прихватывая из миски салат из огурцов. Рядом на блюдечке лежали уже обглоданные кости от куриной ноги. Откинувшись на спинку стула и положив ногу на ногу, с видом меломана блаженствовал Никифор. У камина леприкон совсем разомлел и для полного кайфа закусывал язычками пламени. Рыб всплыл на поверхность воды кверху брюхом и слабо шевелил плавниками. Крестовоздвиженский слушал, подперев голову рукой и время от времени прикрывая глаза. В общем и целом история уже была рассказана, и теперь Соломон излагал подробности.

– И вот Петя смело так, уверенно говорит Сахру... – Соломон намазал последний ломтик хлеба и стал укладывать на него тюлечку без хребтов и подкладывать на тарелку Пете. – «Асаф передал, что настоящая власть у него, и ты, мол, приди и возьми». И тут Сахр как разволновался!

Вдруг Никифор вскочил со стула и крикнул:

– Сидеть!

Рафл застыл у камина в полуприсевшем состоянии и, явно пытаясь двинуться с места, словно завяз, как муха в меду. Рыб высунулся из аквариума, из брюха у него торчали разнообразные уши и лапы, но он тоже словно приклеился к краю аквариума. В стене что-то ерзало.

* Продолжение. Начало в кн. 64-71.

– А ну-ка, повтори – попросил Никифор, – поточнее, дословно.
– Настоящая, ну, правильная, может, легитимная? – занервничал Соломон. – Какая разница?

– «Истинная власть»!

– Да, вот именно истинная власть, так он и сказал!

Никифор присвистнул.

– Вот это да! Ее две тысячи лет ищут, а он тут понты колотит, хвостом виляя. Чужая я, что все это не просто так. А ну-ка, покажите руки!

Соломон поднял руку. Никифор отшатнулся, и даже рыб свалился назад в воду.

– Даа, дела! Говорили мне, что Сахр в городе, а я не поверил. А где ж ему еще быть при таком раскладе?

– Слушай, Никифор, ты или объясни, что такое, или помолчи, а то у меня и так ум за разум, – вмешался Петя.

Никифор слегка помялся, подумал, а потом, махнув рукой, сказал:

– А ладно, все равно вы и так все узнаете. Наш драгоценный Асаф много веков хранил у себя самый знаменитый магический предмет в мире – кольцо царя Соломона. И как хранил, если оно только сейчас всплыло! Старая сволочь! Сахр, конечно, тут же прибыл и, я так понимаю, что надеялся, что сможет им управлять. Я видел сегодня сильный магический всплеск и даже испугался, что включили ловушку, а это, видимо, Сахр пытался задействовать кольцо. Ведь один раз уже такое было. Но Неназываемый не позволил джиннам управлять кольцом. Что теперь будет!

Никифор оглянулся на остальных джиннов:

– А вы ничего не слышали и не знаете, и никому ничего не скажете – а то голову оторву, вы знаете, я могу.

Никифор встал и заходил туда-сюда по кухне. Дионисий с интересом на него посмотрел: таким он джинна еще не видел.

– Даа, дела! – продолжал Никифор. – Сейчас из-за этого колечка может война разгореться. Печать Истинной власти даже в обесточенном состоянии – это пропуск в любое место всех стран джиннов и высочайшие полномочия. А тут ловушка!

Вдруг Никифор замер и прислушался.

– Они что, там с ума сошли, какая мобилизация? Какое военное положение? Они что, думают, что Сахр мальчик, и его мож-

но голыми руками взять? Я надеюсь, что Сахр отсюда уберется до включения ловушки, иначе Меджиду придется воевать за него с собственным дядей.

– А нам что до этого? – спросил Петя.

– А вам, ребята, лучше всего пойти, куда вас Сахр послал. Тут сейчас такое начнется, что оказаться в месте, куда джиннам ни ногой, – это, возможно, жизнь спасти.

– Но ведь оттуда никто не возвращался! – вставил Соломон.

– Понятно, что Сахр, услышав про Истинную власть, убить вас уже не мог – иначе он бы испугал Асафа, – продолжал Никифор. – Но и нахамили вы ему изрядно – он такое не прощает. Тем не менее вы живы. Значит, действительно надеется, что вы вернетесь. Последние сто лет он уже никого туда не посылает. Так что, возможно, и обойдется. Может, Сахр чего-нибудь новенького про это место узнал, а может, период благоприятный. В любом случае вы эту заваруху пересидите, и никакой гуль вас не съест. А там кто-нибудь да помрет: или осел, или эмир, или я, как говорил Ходжа Насреддин, взявшись за двадцать пять лет обучить эмирского осла богословию.

– А Галина? Если ее в заложники возьмут?

– И какой в этом смысл, если неизвестно, вернешься ты или нет? Ладно, не тяни резину – свисти!

Петя порылся в кармане, достал свисток и свистнул. И с изумлением обнаружил, что кроме него и Соломона в кухне только Дионисий. Джиннов как ветром сдуло, а посередине кухни стоит незнакомый толстенький человечек в полосатой футболке, мешковатых джинсах и шлепанцах. Розовая лысина сияет в обрамлении рыженьких кудряшек, а под носом пробиваются жиденькие усишки.

– Вот и ладненько, вот через часик и отправимся, я уже и с ребятами договорился. Снаряжение для вас уже готово, и в катакомбу я вас мигом домчу.

– Стоп! Стоп! Стоп! – замахал на человечка руками Соломон. – Почему через час? А приготовиться? И куда вы нас вообще посылаете? Какое такое снаряжение?

– А пустяки: надувная лодка, сумка и спецодежда. В дыру пойдете, которая в катакомбе. И надо срочно, пока они в той стороне. Да вы сами все увидите. И не трусьте, у нас все организовано.

– Нет, я так не согласен, – возмутился Соломон. – Это просто неприлично – вот так срывать с бухты-барахты. Я должен подготовиться, предупредить маму.

Человечек поморщился, как от кислого.

– Я бы рад, но мое начальство с меня голову снимет. И так вы лишних полдня потратили, в самый притык попадаем. Сильно рисковать будете. Ну ладно: один час двадцать минут на сантименты – и я вас забираю.

И человек исчез – как не было его.

– Джинн сейчас пошел мелкий и сильно заорганизованный, – улыбнулся Дионисий. – Вас, Соломон, Рафл отправит к маме, и не волнуйтесь, он вас из дому заберет. А вы, Петя, наверное, к Галине пойдете – Никифор вас подбросит.

Петя замаялся.

– Вот не знаю, как быть. Галину мне увидеть кровь из носу надо. А говорить мне с ней никак нельзя – она меня мигом расколот. Ума не приложу, что делать.

– Тоже мне сложность: через стену посмотришь, – улыбнулся возникший из ниоткуда Никифор и, повернувшись к Рафлу, добавил: – Хватит огонь таскать, ни одного приличного пламенчика не оставил.

Петя охнуть не успел, как оказался в соседней с Галиной квартире. Соседей не было. Но самое поразительное – он прекрасно видел сквозь стену и Галину, и ее комнату.

Галина нервничала, и Петю это успокоило – не стала бы фальшивая Галина нервничать, когда на нее никто не смотрит. Ему подумалось, что его любимая – на редкость красивая женщина, и если он не вернется, она сможет найти себе мужа. Эта мысль, при всем ее благородстве, Пете сильно не понравилась. Ему захотелось позвать Галину, обнять, рассказать свои горести. Но тут же стало понятно, что она его не отпустит, а если отпустит, то он ей сердце оборвет. И Галина словно что-то почувствовала и обернулась к нему лицом, не понимая, зачем она смотрит на стену. Тогда он в последний раз поглядел на нее, запоминая каждый жест, каждую черточку, и сказал Никифору:

– Возвращаемся.

Через мгновение они уже были у Крестовоздвиженского. Никифор куда-то сбежал. Дионисий налил Пете чуть-чуть коньяка, выдал блюдечко с лимоном и сказал:

– А теперь займемся вашей душой. Негоже вам отправляться в такую дорогу, не подготовившись должным образом.

– Это как?

– Вы же, Петенька, крещеный? А когда вы в последний раз исповедовались и причащались?

– Никогда, – удивленно ответил Петя.

– Вот и займемся, но сначала закончим земные дела. Пишите завещание. Или у вас есть прямые наследники?

– Да нет у меня никого, кроме Гали.

– Вот и пишите!

Закончилось это писание очень быстро, потому что, кроме квартиры и незначительных долгов, у него ничего не было. Квартиру он завещал Галине, долги тоже.

Забрав у Пети бумагу и объяснив, что она будет должным образом заверена, Дионисий приступил к исповеди.

Впервые в жизни Петя исповедовался. Это было странно. Поначалу он не мог рот открыть. Все воспоминания о постыдных, глупых, несправедливых поступках заставили его густо покраснеть. Но Дионисия это не остановило.

– Петя, вы не так к этому подходите. Надо по порядку. Есть установленный перечень грехов, вот мы и будем выяснять: грешили вы согласно списку или нет. А кое-что из того, что заставляет вас краснеть, и не грех вовсе, а глупость.

С таким подходом дело пошло легче, Петя успокоился. Впервые он так подробно рассматривал свою жизнь. И хотя в ней он ничем, кроме совести и маминых наставлений, особо не руководствовался, его жизнь не оказалась такой уж грешной, как он предполагал. Как ни странно, но когда он рассказал все, и Дионисий в последний раз произнес: «Отпускается грех рабу божьему Петру», – Петя почувствовал себя легко и просто.

Снова появился Никифор. Слегка поморщился от запаха ладана, открыл форточку, достал из-за окна Офрима в полуобморочном состоянии и пустил его в аквариум.

Потом Петя вдруг оказался вместе с Дионисием в мужском монастыре. Толстый монах и Дионисий в пустом полутемном храме читали длинную молитву, время от времени по очереди намазывая Пете кисточкой благоухающее масло на лоб, щеки, шею

и кисти рук. После этого Петю причастили. На каком-то этапе Пете вдруг показалось, что душа его не здесь, и он смотрит на себя со стороны, и спокойствие, и странное ощущение правильности и радости сошло на него.

Они вышли из монастыря и довольно долго шли среди деревьев, пока не появился Никифор. Через секунду их уже встречал Соломон на кухне Дионисия. Карманы Соломона топырились. У ног его стоял большой полиэтиленовый пакет с едой. Стол был накрыт, и Соломон ел в запас. Дионисий сиял.

– Петенька, вы даже не представляете, как много вы сейчас сделали для своей души! Садитесь, поешьте в запас и выпейте – у вас сегодня праздник.

От всех этих потрясений у Пети разыгрался аппетит, хотя и ел он совсем недавно. Он присоединился к Соломону. И тут появился рыжий человечек.

– Пора, – сказал он.

Ковчег Завета

Царь Соломон вышагивал в темноте у двери храма. Было жарко. Цикады во тьме распиливали ночь бесконечными трелями, но от их треска благоуханная тишина становилась только глубже. Ночь несла звездную россыпь между кипарисами, пахло мокрой пылью, и за стеной задумчиво вздыхал и фыркал слон. Соломон волновался, как перед первым свиданием. Он тоже вздыхал, стараясь превозмочь стеснение в груди. Уже давно все было обдуманно и решено, и он свыкся с мыслью, что это надо сделать, но сердце билось гулко, и руки вспотели.

Вот так же много лет назад – восемнадцать – не может быть! – да, таки восемнадцать, он тоже стоял у двери храма. Так же упоительно благоухала ночь цветами и свежеполитой землей. Только цикады не пели – он велел им замолчать. И она пришла к нему во тьме, неслышная, как сова, только тонкий горьковатый аромат духов выдал ее присутствие. Они поколдовали немножко, чтобы убедиться, что в округе нет ни одного джинна. Тогда он поработал на славу – даже дождевые черви расползлись кто куда.

В саду она погладила его по щеке и спросила:

– Зачем такая осторожность?

– Я опять видел сон, и, кроме тебя, мне не с кем поговорить. Мне явился Господь и сказал, что время отдыха и благоденствия для моего народа истекло. Я стал каяться и молить Его о милости. Но Он сказал, что время раскаяния и молитвы тоже уже прошло, ведь Он посылал пророков, но никто их не услышал.

– Но почему? Ведь твои подданные вовсе не глупые и не глухие.

– Ох, милая! Вот именно поэтому. Каждое утро каждый мужчина в этом городе молится и благодарит Господа за все, что тот ему дал, и еще за то, что Он не создал его женщиной. И как только окончил молитву – тут же начинает ворчать и стенать. Он недоволен погодой и доходами, и налогами, и женой, и детьми. А как он недоволен мной, так это надо рассказывать отдельно и стихами. Естественно, дома эти нудности всем надоели и никому не нужны. Поэтому, выслушав от жены и матери все про то, как он зарабатывает, воспитывает сыновей и одевает жену, муж от греха подальше идет на базар или на площадь. Там он встречается таких же умников, и они наперебой жалуются и обсуждают, как все устроить по-умному. При этом каждый знает, как строить и как шить, и даже как мне управлять страной.

А так как все уже это слышали сто раз, то никто никого уже давно не слушает. Гвалт стоит такой, что я зал заседаний сделал окнами в сад.

И тут является пророк. И что же? Он тоже всем недоволен и тоже рассказывает, как надо по-умному. И скажи мне: кто его услышит? Увидев такое дело, он начинает говорить больше, потом кричать. И его можно понять – у него миссия.

Тогда его хватает стража и тащит ко мне. Мне всегда приятно поговорить с божьим человеком, но что я могу сделать? Я могу заставить подданных ходить в храм, но как заставить их верить? Я и сам пытался проповедовать – все делают умный вид, а толку чуть. Так я царь, я головы рубить могу, а бедным пророкам какво? В общем, я кормлю их обедом, а Господь отзывает их восвоися.

Видишь, милая, у меня все как у людей – тоже жалуюсь, и ты, ангел мой, слушаешь мои нудности.

– Какой ужас! А что тебе сказал Господь?

– Он сказал, что время вышло, – Он надеялся, что я своей мудростью и властью смогу вразумить свой народ, но нет, Он не ошибался – евреев ничего не переиначит. И не за тем он привел народ сей в землю обетованную, чтобы тот жирел на тучных берегах Иордана. У народа моего другая миссия. А посему после смерти моей разделится царство мое, и раб воссядет на трон. И вера уменьшится, и брат пойдет на брата. А после рассеется народ мой по всей земле. И быть ему поварешкой в котле истории, и стяжать многое, но не знать насыщения, и претерпеть горе и слезы, и не ведать покоя.

И тогда стал я просить Господа, чтобы дал мне срок, чтобы мог я приготовиться к беде этой, ибо, зная горячность народа своего, испугался, что за всеми этими разбирательствами не останется ни эллина, ни иудея, ни даже камня на камне. И тогда Господь сказал, что не укоротит век мой, но я должен сделать все, чтоб мудрость и великое знание не пропали.

Соломон очень волновался, спешил и боялся, что она станет утешать его и убеждать, что это всего лишь сон. Но нет, она слушала внимательно, и он чувствовал каждый ее взгляд.

– Я прозревала будущее, и так оно и будет, как ты сказал. Я готова тебе помочь. Скажи, чего ты боишься, и все мои войска, и джинны, и золото – я не экономлю на друзьях – в твоём распоряжении.

– Ковчег завета! Великая благодать и смертельно опасное оружие. Если начнется война – в безумии битвы его могут открыть, и тогда он погубит множество невинных. Ковчег надо спрятать. Но мы живем на перекрестке, и никто из соседей не пропустит такую возможность.

И снова он ощутил ласковую руку у себя на щеке.

– Не волнуйся, продумай все, и когда придет пора, я пришлю тебе своего сына. Он все сделает, как надо.

– У тебя есть сын? Ты не говорила мне, – и Соломон обиженно засопел.

– У меня будет сын. Будущей весной. И я научу его понимать зверей и птиц. У него ведь будут твои способности.

И вдруг у Соломона отлегло от сердца. Он прижал к себе любимую и стал целовать.

Петя и Соломон

– Вот мы и пришли, – сказал бородатый, указывая лучом фонарика на небольшое отверстие в конце прохода, – вам туда.

– А там что? – на всякий случай спросил Петя.

– А кто его знает? Оттуда еще никто не возвращался – гиблое место.

– То есть вы с нами дальше не пойдете? – уточнил Соломон, так, на всякий случай, потому что ответ знал.

– Мы похожи на сумасшедших? – задал риторический вопрос высокий проводник.

– А мы, Петя, кажется, похожи, – подытожил Соломон.

– Вот ваши вещи, – сказал бородатый и снял с плеча мешок с надувной лодкой. – Куда вы здесь плыть собрались, не знаю, но вам виднее. Вот оставляем вам запасной фонарь, воду и еду. В этой коробочке мобильник. Аккумулятор снят, чтоб не разрядился. Позвоните, если выйдете. Ну, Бог с вами! А мы пойдём, не хочу смотреть, как вы в эту дыру полезете, – впечатлительный я.

Бородатый махнул рукой, и оба парня, шаря лучами фонариков, стали удаляться, и скоро скрылись за поворотом.

– А нам не говорили, что оттуда никто не возвращался, – сказал Петя. – Это просто неприлично! Может, плюнем и не полезем в эту дыру?

– Это, наверное, не возвращались без должного инструктажа. Я так думаю, что если бы хотели нас просто уничтожить, нашли бы метод и попроще. Тебе вон самоубийство предлагали – дешево и сердито. Раз они нас сюда отправили, значит, шанс у нас есть. Главное, делать все, как сказано.

– Хорошо, сначала посмотрим, что тут происходит, – сказал Петя и просунул фонарик в отверстие в стене, потом просунул голову, затем пролез весь.

Соломон смотрел через дырку на удаляющееся по проходу пятно света от Петиного фонаря, и ему сделалось как-то особенно неуютно. Пятно света вернулось. Из отверстия показалась голова Пети.

– Соломон, давай лодку и другие шмотки, тут, похоже, никого нет.

Перегрузив тюк со сдутой лодкой и еще пару небольших рюкзаков, путешественники, светя во все стороны фонарями, медленно пошли по старой выработке.

– Петя, сколько нам так идти? – спросил Соломон, чтоб нарушить тишину, хотя сам знал, что с полкилометра.

– Пока не придем, – ответил Петя, на которого обстановка старой катакомбы вместе с напутствием действовали угнетающе.

– Кажется, хватит, – вдруг сказал Петя, остановившись и осветив лучом фонарика на часы, – пора переодеваться. Он развязал рюкзак и вытащил из него две домотканые рубахи. Прикинув их по длине, он взял более длинную себе, а короткую отдал Соломону.

– Я думаю надеть это поверх – теплее будет, – сказал Соломон, пытаясь натянуть рубаху поверх комбинезона.

– Ну, нам же сказали все снять.

– А карманы? У меня же все в карманах! Я же специально подобрал все нужные вещи!

– Покойникам ничего не нужно, кроме памяти потомков, и то вряд ли. Это скорее потомкам нужно. Соломон, у тебя потомки есть?

– Нет.

– И у меня нет – так что, вперед!

Путешественники разделись, сложили комбинезоны в целлофановый мешок и завязали его узлом.

– Ну и видок у тебя, – не выдержал Петя, осветив Соломона фонариком с ног до головы, – прямо вольноотпущенник времен Римской республики.

– И часто ты их видел? – пробубнил Соломон. – На себя посмотри, выходец из народа. Кстати, не забудь торбу с золотом. С ним ни в какие века не пропадали.

– Вот она! Маленькая, а тяжелая! – сказал Петя, надевая на плечо ляжку брезентовой сумки с золотом. – Берем лодку – и пошли! Калики перехожие.

Минут двадцать путники шли молча.

– Стой! – вдруг сказал Петя, шедший впереди. – И выключи фонарь, мне что-то показалось.

– Так будет темно.

– Именно. Мне кажется, впереди какой-то свет.

Соломон выключил фонарь. Тьма выпрыгнула из всех углов и спешно заняла все ранее освещенные места. Путешественники стояли в темноте и присматривались. Когда глаза привыкли, стала различима часть стены перед поворотом налево.

Включили фонари, пошли дальше. Шагов через двадцать проход поворачивал влево, и в конце тоннеля показалась дыра, через которую лился свет, образуя на стенке светло-желтое пятно.

Подземные путешественники ускорили шаг, несмотря на то, что потолок начал заметно опускаться, и пришлось нагибаться.

Неожиданно проход повернул резко, почти вертикально вверх, и в метрах пяти показалось довольно большое отверстие. В нем виднелось небо с маленьким облачком, а воздух пах морем, а не плесенью или влажным ракушечником.

Соломон полез к дыре и по осыпающейся породе попытался выбраться на свежий воздух. Петя схватил его за рубаху и потянул назад.

– Откуда ты знаешь, что там снаружи? – зашептал он. – Может, нас ждет кто? Может, там мина-растяжка или голодный лев сидит, а ты ему с разгона на обед. Надо же осмотреться.

Увещевания возымели действие – Соломон скатился с осыпи на дно и затих. Петя снял с себя сумку с золотом и медленно, стараясь не шуметь, полез к проему. Осмотрев края выхода, он осторожно высунул голову.

Выход был в нижней части ракушечного склона, заросшего бурьяном.

Метрах в пяти начинался песчаный пляж, облизанный волнами, с полосками выброшенных штормом ракушек. С ясного неба светило солнце. Ни ветерка. Море сияло как зеркало, совершенно неподвижное и блестящее. Вдали от берега белели какие-то вертикальные предметы. Буйки, что ли?

– Быстро вылазим – никого нет! – прошептал Петя. Он вылез первым, вытащил лодку и Соломона, повисшего на другом конце лодки. Соломон скатился на пляж, встал, оглянулся, сморщившись, плюнул и возмутился:

– Вот гады, опять прикалываются! И спелеологи туда же: «Никто не возвращался...».

– А я бы так не расслаблялся, – возразил Петя, распаковывая мешок. – Если это и шутка, то их шутки не всегда хорошо кончаются. Скорей давай!

Вытащив лодку из мешка, путешественники открыли вентиль, и лодка, как по волшебству, стала увеличиваться, пухнуть, и очень быстро приняла обворожительно округлые формы.

– Смотри, смотри, – зашипел Соломон, указывая рукой вдоль берега, – они к нам бегут, уплываем быстренько.

По берегу к ним приближалась грязно-серая колышущаяся толпа, что-то выкрикивая.

– Да, вряд ли это комиссия по торжественной встрече, – согласился Петя и столкнул лодку на воду.

Войдя в воду по колени, путешественники влезли в лодку. Петя пытался быстро состыковать разборные весла, в то время как Соломон принялся отгребать руками. Не успела лодка отплыть метров на пятнадцать от берега, как толпа уже была на том месте, откуда они стартовали.

Зрелище на берегу было не для слабонервных. По песку, спотыкаясь и падая, брели сотни крайне истощенных людей в сером и коричневом ветхом рубище. Голодные глаза глубоко ввалились в глазницы, высохшая кожа плотно обтягивала черепа, ссохшиеся губы обнажали желтые зубы и кровоточащие десна. Люди размахивали руками, похожими на птичьи лапы, и что-то хрипло кричали на непонятном языке. Некоторые из них вошли в воду, пытаясь догнать лодку на мелководье, и неясно, чем бы дело кончилось, если бы Соломон не бросил на берег пакет с едой. Толпа с воем кинулась к нему. Преследователи повернули к берегу. У пакета началась свалка. Зрелище было жалкое и жуткое.

Петя наконец вставил весла в уключины, сделал несколько широких гребков и остановился. Стало понятно, что на лодке они уплывут от любого пловца, если местным жителям вздумается преследовать их вплавь.

– Похоже, тут кто-то организовал маленький концлагерь, хотя при таком истощении люди не живут. Тут что-то не так, – сделал вывод Петя и налег на весла. – Мы им сейчас все равно ничем не поможем – еды у нас самих нет. А если бы и была на всех, так они в таком состоянии, что к ним не подойдешь. Жалко их, конечно. Вот посмотреть, что это за буйки белые, – это мы можем, – приговаривал он за каждым гребком.

– Вот эти ребята пацанов и съели, – вдруг сделал вывод Соломон. – Не зря нам советовали быстро отчаливать. Значит, джинны заинтересованы в нашем возвращении. А это уже приятно.

Продолжение следует